

ЗАПИСКИ ДОНСКАГО АТАМАНА ДЕНИСОВА.

1763 — 1841.

XVI. ¹⁾

Вступленіе въ Туринъ Суворова съ союзными войсками. — Денисовъ у города Пиньероль. — Волонтеры. — Сраженіе при Нови. — Ссора съ Повало-Швейковскимъ. — Дерфельденъ. — Прибытіе на казачьи аванпосты Суворова. — Отдыхъ.

1799.

Когда на вкраткое увѣщаніе Суворова сдать Туринъ на капитуляцію, что-бы избѣгнуть напраснаго кровопролитія отъ сближавшейся къ городу многочисленной арміи, полученъ былъ дерзкой отвѣтъ коменданта, французскаго генерала Фіорелла, то сами жители Турина спасли городъ отъ угрожавшей ему участи Измаила и Праги: утромъ 15-го (26) мая, австрійскій генераль Вукасовичъ, по условленному съ жителями знаку, бросился къ городскимъ воротамъ, нашелъ ихъ отворенными и подъемный мостъ опущеннымъ; Фіорелла послалъ-было изъ цитадели колонну взять въ тылъ слабый отрядъ Вукасовича, но колонна эта была опрокинута съ большимъ урономъ. Жители, вмѣстѣ съ австрійскими войсками, гнали Французовъ по улицамъ до цитадели и въ то же время всѣ ворота городскіе открыли союзнымъ войскамъ. Въ три часа пополудни самъ фельдмаршалъ Суворовъ вступилъ съ войсками въ городъ и встрѣченъ былъ востор-

¹⁾ Первые пятнадцать главъ записокъ атамана Денисова напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 года, томъ X, стр. 1—46; т. XI, стр. 379—410; 601—641.

женными восселиціями жителей. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ, но комендантъ цитадели началъ бомбардировать городъ, считая себя вправѣ мстить жителямъ за ихъ измѣну; при чемъ онъ прислалъ къ Суворову парламентаря съ объявленіемъ, что пальба не умолкнетъ до тѣхъ поръ, пока союзныя войска не оставятъ Турина. Говорили тогда, что истинною цѣлью последи парламентаря было развѣдать о домѣ, въ которомъ находился Суворовъ, и хотя парламентарь отъ самыхъ воротъ цитадели до комнаты Суворова и назадъ былъ веденъ съ завязанными глазами, но, кажется, успѣлъ въ своемъ намѣреніи, ибо, чрезъ часъ послѣ, выстрѣлы по бѣльшой части направлялись на домъ фельдмаршала.¹⁾

Изъ Турина полкъ Денисова и два другіе казачьи полка отправлены въ отрядъ кн. Багратіона къ Пиньеролу, а самъ Денисовъ оставался еще два дня въ Туринѣ при фельдмаршалѣ. «Онъ хотѣлъ отрядить меня съ двумя или тремя полками австрійской кавалеріи въ экспедицію противъ одного французскаго генерала, находившагося съ частью войскъ въ одномъ ущельи горъ», пишетъ Денисовъ, «но я, зная, что въ тѣсныхъ мѣстахъ весьма опасно дѣйствовать кавалеріею, упробилъ дежурнаго генерала отклонить сіе. Я боялся оставаться при главной квартирѣ, дабы не войти въ какія-либо политическія интриги, и просилъ позволенія ѣхать къ своему полку, на что охотно фельдмаршалъ согласился, потому что въ небытность мою при донскихъ полкахъ сдѣлано упущеніе. Въ часъ пріѣзда моего къ полку (въ гор. Пиньероль) узнаю, что непріятель въ самомъ близкомъ разстояніи и при самомъ городѣ Пиньероль, въ ущельи находится, и часто по казакамъ, на пикетахъ стоящимъ, стрѣляетъ. Осмотрѣвъ всю позицію мѣста и самого непріятеля, приказалъ я другому казачьему полку, находящемуся тогда верстахъ въ шести или восьми, оставя на своемъ мѣстѣ нужную для наблюденія непріятеля команду, съ остальными явиться ко мнѣ, и донесъ о всемъ куда слѣдовало».

«Скоро послѣ сего прибылъ ко мнѣ князь Багратіонъ; осмотрѣвъ непріятеля и позицію, ничего не предпринялъ и, нѣсколько

¹⁾ «Истор. войны 1799 г.» — Дм. Ал. Милютинъ, ч. III, гл. XXIV, и «Истор. Рос.-австр. камп.» г. Фукса, ч. I, стр. 107.

отодвинувъ свой авангардъ, остановился. На другой день прибылъ туда-жъ одинъ австрійской генералъ съ войсками и атаковалъ непріятеля такъ благоразумно и удачно, что Французы не смѣли вступить въ сраженіе и бѣжали въ горы. Всѣ сіи генералы съ ихъ войсками возвратились къ своимъ войскамъ, а я съ двумя полками, въ которыхъ, по раскомандированіи многихъ казаковъ, больныхъ и въ вагенбургъ оставшихся, не было и 500 человекъ (остался). Тогда я увидѣлъ себя въ критическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что все сіе мѣсто было при подошвѣ высокихъ горъ и что, по малолюдству (моего отряда), нельзя было занять всѣ нужныя мѣста, но въ это время является ко мнѣ одинъ человекъ, называя себя сержантомъ когда-то бывшихъ вольныхъ войскъ. Онъ предложилъ мнѣ свои услуги, и ежели я снабжу его ружьями, порохомъ и свинцомъ, то онъ соберетъ до 300 охотниковъ служить подъ моею командою противъ Французовъ. Обрадовавшись сему случаю, я рѣшился принять его, и какъ въ городѣ (Пиньеролѣ) Французами оставлено много было ружей, то и выдалъ ему оныя и всѣмъ нужнымъ снабдилъ. Въ короткое время явился онъ ко мнѣ съ дивизіею, отъ 350 до 400 человекъ состояющеюся. Всѣ они ничто болѣе были какъ бродяги, не знающіе ни правилъ военныхъ, ни анбиціи, ни порядку. Однако-жъ не одна праздная жизнь, какъ я примѣтилъ, къ тому направляла ихъ, а разница какая-то въ исповѣданіи вѣры главнѣйшимъ была побужденіемъ. Хотя ясно я видѣлъ, что на таковыхъ гигантовъ (?) худая надежда, но, дабы непріятеля удерживать въ осторожности и всѣ нужныя мѣста захватить, они необходимы мнѣ были; почему я и принялъ смѣлость тотчасъ, при осмотрѣ сихъ войскъ, господина сержанта поздравить капитаномъ, что онъ принялъ съ утѣшительностію и гордостію, и величаво командуя, пустился прямо въ горы къ французской границѣ. На другой или третій день его дивизія умножилась отъ 600 до 800, и дралась день и ночь дней нѣсколько, то есть, стоя на горѣ и примѣчая, когда чрезъ дефиле, на другой горѣ, человекъ или скотина (покажется), хотя горизонтально, но навѣрное не ближе версты, стрѣляли съ увѣрительною надеждою безъ промаха убить, и сами въ продолженіе недѣли или болѣе не имѣли убитыми и 10 человекъ, да и тѣ, полагать надо, разбѣжались».

«Съ французской стороны тоже, кажется, подобныя войска были, ибо часто таковымъ же образомъ отвѣчали, но я, оставаяся взади, былъ покойнѣе. Обо всемъ я лично донесъ фельд-маршалу, равно какъ и о производствѣ въ капитаны—что онъ милостиво выслушалъ и, улыбаясь, сказалъ:

— Карповичъ! я сіе производство подтверждаю.

«Черезъ нѣсколько дней прибыло около 2-хъ тысячъ подъ командою подполковника австрійскихъ войскъ и оставлены въ мое распоряженіе, но я, избѣгая всякихъ соплетеній, на меня особенно часто падающихъ, поставилъ ихъ въ дефилѣ, впереди города, по дорогѣ въ недалеко находящейся крѣпости (С.-Маріа?). Во все время былъ я только обезвооенъ однимъ нападеніемъ французскихъ войскъ на Австрійцевъ, которое кончилось скоро тѣмъ, что Французы, увидя осторожность нашу, бѣжали.»¹⁾

Между тѣмъ, какъ войска главной союзной арміи, расположенныя вокругъ Турина, готовились къ открытію осады цитадели туринской, а легкіе отряды, посланные въ горы, отбросили послѣдніе непріятельскіе посты за снѣговой хребетъ Альповъ и Суворовъ готовился преслѣдовать разстроенныя и отступавшія вой-

¹⁾ Денисовъ, въ донесеніи Суворову отъ 22-го мая, между прочимъ пишетъ: «Пиньероло имѣетъ много изъ жителей Якубиновъ, которые всѣ ружья, находящіяся в здешнемъ орсенале, разобрали по себѣ, не показывая не малейшаго виду сражаться оними противъ Французовъ, для чего приказалъ я начальству местечка собрать все в прежнее место, также учинилъ объявленіе жителямъ, въ горахъ находящимся, что-бы они, оставя противъ насъ вооруженіе, жили бы спокойно в своихъ домахъ, а в противномъ случаѣ притерпятъ жестокое наказаніе». Получивъ это донесеніе и другое, что находящійся у Фенетрелли непріятельскій генералъ Циммерманъ, съ 600 отрядомъ французской пѣхоты, считая себя окруженнымъ союзными войсками, объявилъ готовность положить оружіе, если противъ него выслана будетъ пѣхота, Суворовъ рѣшился послать туда кн. Багратиона и далъ ему слѣдующее предисловіе: «Блазь Петръ Ивановичъ! Вотъ вамъ милое письмо отъ походнаго атамана: никто лучше не выполнитъ желаемаго, какъ ваше с—во? Христось съ вами... ни мало не медля, извольте слѣдовать съ полкомъ вашимъ, соединясь съ Андрианомъ Карповичемъ,^{*)} и коли потребно будетъ, то можете взять къ себѣ къ тому и какія инныя подручныя войска въ скорости. Генералу Циммерману объявите мою дружбу, а его командѣ вольность, по силѣ которой и вы моимъ именемъ имъ можете дать на мѣстѣ безпечныя паспорта, но по мѣрѣ ихъ добровольной сдачи, а не обороны. Предаю все въ ваше благоразумное разсмотрѣніе».

(«Истор. войн. въ 1799 г.»—Дм. Ал. Милютинъ, ч. III, гл. XXIV, стр. 416).

Ад. Ч.

^{*)} Полковникомъ Денисовымъ.

ска Моро до самаго Генуэзскаго берега, онъ получилъ свѣдѣніе о прибывшемъ въ Геную значительномъ подкрѣпленіи непріятелю моремъ и изъ Франціи, а также, что и войска Мавдональда спѣшати изъ южной Италіи на соединеніе съ Моро. Все это заставило Суворова предпринять другія мѣры и расположить свои войска такъ, что куда бы ни вздумалъ устремиться непріятель, можно было въ два-три перехода сдвинуть къ угрожаемому пункту болѣе 30-ти тысячъ войска. Потомъ, сосредоточивая значительныя силы свои у Александріи, «Суворовъ вспомнилъ обо мнѣ», пишетъ Денисовъ, «и предписалъ, что-бъ я, оставя постъ мой (у Пиньероля) старшему, съ полкомъ моимъ явился къ нему. Увидѣвъ меня, его сіятельство изъявилъ мнѣ свои великія милости и какъ бы жаловался, что я его оставилъ; но когда (я) доказалъ, что это сдѣлано было не по моему желанію, то онъ два раза сказалъ:

— «Право я этого не зналъ».

«И подтвердилъ, что-бъ я нивогда далеко отъ него не отлучался».

Денисовъ поэтому находился при фельдмаршалѣ весь іюнь и іюль 1799 г. съ состоящими при главной арміи казаками.¹⁾

Въ концѣ іюля вся почти Италія была уже занята союзными

¹⁾ Въ это время, при выступленіи на встрѣчу 36-ти тысячной арміи Мавдональда, отданы Суворовымъ по войскамъ весьма любопытныя и оригинальныя приказъ и наставленіе:

I. Александрія, 5-го (16) іюня:

«1) Непріятельскую армію взять въ полонъ.

Взять твердо въ армію, что ихъ 26 тысячъ, изъ конхъ только 7 тысячъ Французовъ; прочіе всякій сборъ реквизиціонеровъ.

2) Казаки колотъ будутъ; но жестоко бы слушали, когда Французы кричатъ будутъ: «пардонъ», или бить «шамадъ». Казакамъ самимъ въ атакѣ кричать: «балезармъ, пардонъ, жегелезармъ», и снмъ пользуйсь, кавалерію жестоко рубить и на батареи быстро пускаться, что особливо внушить.

3) Казакамъ, коимъ удобно, испортить на р. Таро мостъ, и тѣмъ зачать отчаяніе. Съ плѣнными быть милосерду; при ударахъ дѣлать большой крикъ, крѣпко бить въ барабаны; музыкѣ играть гдѣ случится, но особливо въ погонѣ, когда кавалерія будетъ колотъ и рубить, что-бы слышно было своимъ.

Ихъ генераловъ, особливо казаки, и прочіе, примѣчаютъ по вучкамъ оволо ихъ; кричать: «пардонъ», а ежели не сдаются, убивать».

II. С.-Джювани. Въ ночь съ 6-го (17) на 7-е (18) іюня:

«Остаетя до р. Треббін 1¹/₂ мили; мила: оную хорошо пройдутъ.

«До непріятеля 1¹/₂ мили; всего 19—20 верстъ,— 6 часовъ.

«За полмили отъ непріятеля, или менѣе, выстраиваются.

войсками. Одна Ривьера Генуэзская оставалась еще во власти Французовъ, да гарнизоны ихъ держались въ крѣпости Кони, въ замѣѣ Тортонскомъ, въ небольшихъ фортахъ Гави и Серравалле. Со времени сдачи цитадели Александрійской, главная армія Суворова оставалась на равнинѣ между рр. Бормидой и Скривіей. Избранный новою французскою Директоріею главнокомандующимъ, Жуберъ прибылъ въ Корнеляно, близъ Генуи, и, рѣшась немедленно дѣйствовать наступательно на армію Суворова, сраженъ пулею въ самомъ началѣ битвы при Нови, 4-го (15) августа 1799 г. Денисовъ поставленъ былъ на лѣвомъ флангѣ нашихъ войскъ, среди виноградниковъ, гдѣ находилась французская пѣхота, которая стрѣляла по казакамъ, а казаки по мѣстности не могли дѣйствовать, почему Денисовъ, съ позволенія генерала Дерфельдена, оставилъ это мѣсто и отправился искать болѣе удобное для дѣйствія казаковъ. Шедши съ небольшою командою между сражающимися сторонами и подходя къ какому-то каменному дому, онъ встрѣтилъ дежурнаго генерала Ферстера и князя А. И. Горчакова.

«Сей (последній) какъ бы съ дружественной стороны, но скоро спросилъ меня:

— Гдѣ ваша полкъ?

— «Назади», отвѣчалъ я.

— Какъ это жалко, — продолжалъ Горчаковъ, — нельзя-ли сдѣлать, что-бъ оной поспѣшилъ сюда?

— «Что-жъ бы тутъ могъ одинъ донскихъ казаковъ полкъ

«Линіи выстраиваются быстро. За полчаса передъ разсвѣтомъ раздвигаются»...

...«Тотчасъ его преслѣдуютъ кавалерія и казаки, поддерживаемые пѣхотою, которая тогда уже линією идти не можетъ, но колоннами, не теряя времени.

...«Кавалерія будетъ атаковать въ двѣ линіи по «шахматному»: интервалъ на эскадронъ, что-бы въ случаѣ, когда первая линія, рубясь, расширится—вторая линія могла бы сквозъ интервалы проскакивать.

...«Не употреблять команды: «стой»: это не на ученьи, а въ сраженіи: «атака, руби, коли, ура, барабаны, музыка»...

...«Казаки стоятъ будутъ за австрійскою кавалеріею и въ атакѣ бросаются во флангъ неприятелю. Когда же оный будетъ сбить, то преслѣдуютъ его безпрестанно, и всѣхъ истребляютъ».

(«Ист. Рос.-австр. камп. 1799 г.»—Фукса и «Ист. войн. въ 1799 г.»—Дм. Ал. Милютина, ч. IV, гл. XXXI и XXXII).

Ад. Ч.

сдѣлать, когда такое количество пѣхоты не могло держаться?» — сказалъ я.

— Хотя немного ударьте, — отвѣчалъ Горчаковъ.

«Французская пѣхота стояла подъ вѣрными выстрѣлами съ вѣрности Нови, ядрами, съ пушею; опрокинувъ оную и подавшись нѣсколько впередъ — очутиться подъ картечами, а если доскакавъ до линіи непріятельской и не опрокинешь ее, (придется) ретироваться. Значить на одномъ и томъ же мѣстѣ надобно подвергнуть людей очевидному поражению. Когда я былъ въ семь размышленіи и что приказаніе ударить дѣласть старшій меня и ближней фельдмаршалу, всегда при немъ находящейся, увидѣли всѣ мы, что полкъ мой недалеко изъ-подъ горы идетъ.

— Вотъ и полкъ вашъ; велите поспѣшить ему и ударьте, — сказалъ Горчаковъ.

— Я знаю свое дѣло; я старый солдатъ».

«На сіе онъ не отвѣчалъ и поѣхалъ въ сторону и дежурный генералъ съ нимъ. Я остался одинъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, что несчастной случай привелъ найти другаго и такъ сильнаго врага. Офицеръ спрашивалъ уже у меня, что прикажу дѣлать полку, но я не скоро отсталъ отъ моего сужденія. Однако, оставя жестокую сію мысль, сообразилъ непріятельское положеніе и случившуюся исторію, приказалъ стать полку, — въ которомъ не болѣе 250 человекъ тогда на лицо было, — въ одну линію казачью, нѣсколько рѣдко, что и необходимо нужно было, дабы дѣйствовать дротивомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и безопасно людямъ; я подвинулъ полкъ нѣсколько впередъ и сталъ. Французы, — тысячи полторы пѣхоты, — подвинулись во мнѣ и стрѣлки, выскочивъ напередъ, стрѣляли въ насъ, а изъ города пускали ядра. Я стоялъ ровно, въ линію, нѣсколько прочь съ праваго фланга. Лошадь моя, отъ близкихъ ударовъ въ землю ядеръ, три или четыре принуждена была сдѣлать сильныхъ во всѣ стороны прыжка и въ одинъ разъ такъ высоко взвилась на дыбы, что я едва могъ усидѣть. Офицеры убѣдительно просили меня, что-бъ съѣхалъ съ своего мѣста, говоря, что вѣрно непріятель замѣтилъ по знакамъ что я. Въ полку уже до 60 раненыхъ и убитыхъ упало; но полкъ въ молчаніи стоялъ. Я послалъ въ нашей пѣхотѣ въ первовстрѣтившемуся генералу просить, что-бъ приерылъ правой мой флангъ, и тогда я ударю. Посланной явился къ генералу Повало-Швей-

ковскому, которой, вмѣсто помощи, обѣщалъ самъ ко мнѣ пріѣхать, и того не выполнилъ. Тогда, заливаясь слезами о горькой участи невинно терпѣвшихъ казаковъ, приказалъ я оборотиться полку назадъ и шагомъ отступать. Офицеры и казаки съ видимымъ прискорбіемъ исполняли мой приказанія въ точности. Французы, не оставаясь довольными тѣмъ, подпрыгивая и безъ всякаго порядку, преслѣдовали и стрѣляли по насъ. Увидѣвъ сіе, я рѣшился имъ отмстить. Съ тѣмъ вмѣстѣ увидѣлъ недалеко человѣкъ до ста нашей пѣхоты, особо идущей въ лѣвой сторонѣ моего полку, и послалъ къ начальнику оной просить, что-бы остановился, пока я, атакуя, возвращусь. Это былъ маіоръ Владычинъ, мнѣ незнакомой, которой отвѣчалъ:

— «Съ Денисовымъ, хотя бы у него было и два человѣка въ командѣ, готовъ въ огонь и въ воду, а тутъ отъ васъ не отстану.

«Извѣстясь о семъ отвѣтѣ, я, не останавливаясь, собралъ всѣхъ офицеровъ и въ глазахъ полка приказалъ имъ, что-бы по первому знаку «ментомъ» (ментально?) оборотились, атаковали бы непріятеля, и конечно, что-бы врѣзались въ него, смѣшали, били, но, не преслѣдуя далѣе, во всѣ ноги возвращались бы назадъ. Казаки отъ горести столь ободрились, что какъ бы спорили обогнать одинъ другаго, влетѣли въ непріятеля, которой, симъ бывъ изумленъ, ни мало не подержался на мѣстѣ и побѣжалъ, а казаки, рѣдкой не убивъ одного или двухъ и не давъ непріятелю опомниться, очутились опять на своемъ мѣстѣ, при чемъ притянули до сорока плѣнныхъ. Маіоръ Владычинъ, по храбрости своей и усердію, очень далеко вдался впередъ и ежели-бы Французы могли скоро опомниться, то бы много потерпѣлъ. За сіе тутъ же прислалъ генераль Дерфельденъ меня благодарить, но велѣлъ сказать, что-бы впередъ не подвергалъ я донскихъ казаковъ такой опасности, что они въ другихъ случаяхъ необходимо нужны и что ихъ тогда нечѣмъ замѣнить. Я съ полкомъ остался на семъ мѣстѣ, потому что не имѣлъ новаго приказанія и, бывъ нездоровъ, еще больше отъ большаго движенія разстроился.

«Сраженіе до захожденія солнца продолжалось и уже въ ночь непріятель бѣжалъ. Генераль Повало-Швейковскій съ пѣхотою преслѣдовалъ онаго, но не могъ догнать. Я съ полкомъ былъ у непріятеля въ лѣвомъ флангѣ и хотя ровнялся съ нимъ, но, по

малому числу казаковъ, не могъ онаго атаковать; другіе же донскіе полки были подъ командою князя Багратіона. Видя, что непріятель уйдетъ и увезетъ артиллерію, которой что много, можно было по стуку колесъ угадать, я приказалъ лучшимъ офицерамъ — взять человекъ 100 казаковъ, заскакать стороною напередъ и показать Французамъ видъ, что ихъ дорога нашими захвачена; офицеры сіе сдѣлали весьма благоразумно. Переѣхавъ маленькою и кривою дорожкой большое болотистое луговое мѣсто, чрезъ которое по дорогѣ бѣжали Французы, — а дорога оная состояла изъ довольно возвышенной насыпи, — казаки мои передовыхъ Французовъ встрѣли выстрѣлами изъ пистолетовъ и военнымъ кликомъ, и тѣмъ таеъ ихъ испужали, что всѣ въ разныя стороны по болоту рассыпались, оставя 18 пушекъ съ запасными лафетами и всѣми артиллерійскими ящиками, всего болѣе 60 штукъ, но всѣхъ лошадей съ упряжью увели: плотина была висока и на нее должно было спущаться довольно круто чѣмъ вѣрно казаки и замедлили, да и наша пѣхота, дойдя до сего мѣста, остановилась. Получивъ донесеніе, что артиллерія попалась въ наши руки, я о семъ чрезъ офицера донесъ генералу Повало-Швейковскому, а самъ слѣзъ съ лошади и легъ на землю, чувствуя во всемъ корпусѣ боль. Офицеръ отъ Повало-Швейковского возвратился и сказалъ, что «генераль меня требуетъ къ себѣ и очень-де строго». Избѣгая и еще непріятностей, хотя и съ большимъ усиліемъ, но поѣхалъ къ нему и, явясъ, поздравилъ его съ побѣдою. Онъ рѣшительно приказалъ:

— Что-бъ сейчасъ всѣ пушки, лафеты и ящики вывезли казаки на гору, ко мнѣ.

— «Это невозможно, потому что упряжи и хомутовъ нѣтъ, — отвѣчалъ я, — а лошади (казачьи), не бывъ приучены, не могутъ, хотя бы и при упряжи, сего сдѣлать».

— Я не совѣтоваться васъ звалъ, а исполнять въ точности мои повелѣнія, — сказалъ Швейковскій.

— «Невозможнаго нельзя сдѣлать», доложилъ я безъ всякаго посторонняго умствования, и при томъ сказалъ, что «сзади нашей пѣхоты идетъ довольное число австрійскихъ войскъ, то не лучше-ли сдать имъ; пусть они потрудятся вывезть ихъ; а пушки взяты Россіянами и этого никто не отыметъ отъ нихъ».

Тогда его превосходительство возвышеннымъ голосомъ сказалъ:

— «Кто по тебѣ старшій въ полку?»

«Я сказалъ кто, и онъ послалъ за нимъ и, призвавъ, приказалъ принять отъ меня полкъ. Подумавъ нѣсколько и припомня старую пословицу: «терпи казавъ—будешь атаманъ», я взялъ одного казака и слугу и поѣхалъ, безъ всякой цѣли, назадъ. Слуга, видя мое положеніе и слабость здоровья, запасся двумя плащами, подъ которыми я, въ маленькомъ лѣсу, или саду, провелъ безъ сна ночь, и въ наставшей день не зналъ что начать. Ъхавши близъ войскъ, увидѣлъ подъ деревомъ сидящихъ нѣсколько особъ, недалеко которыхъ ординарцы держали лошадей, по сему заключилъ, что это кто-либо изъ генераловъ. Пришло мнѣ на мысль явиться прежде всѣхъ у генерала Дерфельдена, посему и послалъ узнать: не онъ-ли тамъ сидитъ? Посланной возвратился и сказалъ, что я угадалъ. Тогда я почувствовалъ что-то, чего не разумѣлъ: удовольствіе-ли или огорченіе, потрясшія меня. Подѣхавъ ближе, я спелъ съ лошади, подхожу къ генералу Дерфельдену и вижу, что съ нимъ находился и генералъ Повало-Швейковскій. Отъ сего я такъ развлеченъ (разстроены) былъ, что не зналъ въ кому и что прежде сказать, — отчего не могъ скоро начать говорить. Генералъ Дерфельденъ, видя меня въ такомъ положеніи, весьма снисходительно спросилъ:

— Не имѣете-ли вы что мнѣ сказать?

— «Много имѣю, но не знаю какъ. Я не люблю искать чужой защиты въ собственной обидѣ, но обстоятельства принуждаютъ измѣнить характеръ».

«И объяснилъ вчерашній случай. Тутъ генералъ Повало-Швейковскій, вскоча, подбѣжалъ ко мнѣ, взялъ за руку, наговорилъ много пустыхъ извинительныхъ словъ: что это было въ горячности, что онъ не полагалъ, что я это приму за прямое дѣло, и просилъ забыть. Тогда генералъ Дерфельденъ сказалъ:

— Видишь, господинъ Денисовъ, что генералъ отказывается отъ своихъ словъ. Плюнь на сіе дѣло и съ Богомъ поѣзжай въ поле. Я видѣлъ твои дѣла: никто не можетъ тебя помарать.

«При семъ разѣ генералъ Дерфельденъ на генерала Повало-Швейковского съ презрѣніемъ смотрѣлъ».

«Я почти все сіе напередъ видѣлъ и одинъ другъ, съ которымъ я видѣлся передъ тѣмъ, совѣтовалъ не расширять сего дѣла, и что если я особо потребую отъ Повало-Швейковского благо-

родно личнаго удовольствія, то онъ отъ того откажется и будетъ жаловаться—тогда будетъ мнѣ еще хуже.¹⁾ И такъ, я повиновался генералу Дерфельдену тѣмъ болѣе, что благородно выговоренныя слова его ясно оправдывали меня. Потомъ я прїѣхалъ въ свой полкъ, которой весь на аванпостахъ находился, и къ нему два еще примкнули полка, которыми командовалъ полковникъ Грековъ. Непрїятельская армія, за глубокою и широкою долиною остановилась недалеко и непрїятельскіе форпосты по казакамъ стрѣляли очень часто. Получа нужныя свѣдѣнія, какъ и гдѣ стоитъ противъ насъ непрїятель, я нашелъ необходимымъ во многомъ сдѣлать перемѣны по занятой полками моими передовой цѣпи и отправилъ нѣсколько партій во фланги непрїятеля, и особливо къ небольшой крѣпости, называемой Серравалле. Въ сіе время донесли мнѣ, что фельдмаршалъ ѣдетъ ко мнѣ и уже недалеко. Я поскакалъ къ нему и донесъ обо всемъ словесно, а также и поздравилъ его съ побѣдою. Онъ весьма милостиво за все благодарилъ.

— «Что за строеніе я вижу? — спросилъ фельдмаршалъ.

«Это монастырь, и пустой», — отвѣчалъ я.

— «Я поѣду туда и тамъ отдохну.

«Но тамъ опасно и пули еще далѣе онаго летаютъ, а казаки не удержатъ, ежели непрїятель въ большихъ силахъ въ оной пустится», сказалъ я.

— «Карповичъ, они напуганы».

Суворовъ все-таки поѣхалъ къ монастырю «Видя, что фельдмаршалъ непремѣнно положилъ свое исполнить, послалъ я къ полковнику Грекову сказать, что-бы нарочито задразнилъ непрїятеля, что-бы тѣмъ заставить фельдмаршала удалиться. Стрѣльба довольно сильная началась; пули, когда подѣхалъ фельдмаршалъ къ монастырю, летѣли черезъ насъ, но графъ Суворовъ какъ-бы ихъ не слышалъ, вѣхалъ въ монастырь, приказалъ всѣмъ, кромѣ ординарцевъ, его оставить, и въ пустой горницѣ,

¹⁾ Здѣсь можно замѣтить, что рассказы современниковъ и сама Записки автора показываютъ, что А. К. Денисовъ былъ въ высшей степени раздражителенъ и, вообще, подозрителенъ: это объясняетъ и ничѣмъ не вызванную дерзость его предъ княземъ Горчаковымъ, и заносчивость его предъ генераломъ Пovalo-Швейковскимъ, и подозрѣніе о «злобѣ» на него князя П. И. Багратиона — личности, свѣтло-обрисованной нашею военною исторіею. А. Ч.

на соломя, легъ. Видя сіе, я послалъ сказать князю Багратиону, что-бъ поспѣшилъ прислать на защиту, въ случаѣ опасномъ, нужное число пѣхоты; а самъ я поѣхалъ къ казачьимъ полкамъ и приказалъ сколь можно болѣе усилить противъ того мѣста пикеты. Фельдмаршалъ спокойно, но немного отдохнувши, возвратился. За сіе, при Нови, сраженіе я былъ награжденъ алмазами украшеннымъ второй степени орденомъ св. Анны.¹⁾

XVII.

Движеніе русскихъ войскъ и съ ними казачьихъ полковъ изъ Италіи въ Швейцарію.— Переходы чрезъ Альпы.— Болѣзнь Денисова.— Выходъ изъ горъ, зимнія квартиры и обратный походъ на Донъ.

1799.

Выступивъ съ русскими войсками изъ Италіи въ Швейцарію и прибывъ 4-го сентября 1799 г. въ Таверно, Суворовъ узнаетъ тутъ, что обѣщанныхъ Австрійцами муловъ для поднятія обоза арміи не доставлено. Это чрезвычайно огорчило его, вынуждая отложить предположенную атаку непріятеля у С.-Готарда. Въ такомъ затруднительномъ положеніи пришла счастливая мысль великому князю Константину Павловичу — употребить подъ вьюки казачьихъ лошадей; въ горахъ Швейцаріи слѣпленные казаки могли даже быть полезнѣе, чѣмъ на коняхъ. Суворовъ обрадовался этой мысли, сердечно благодарилъ за нее великаго князя и велѣлъ немедленно приготовить до 1,500 казачьихъ лошадей подъ вьюки.²⁾ Денисовъ, подойдя къ Сенъ-Готарду, съ шестью, все время бывшими въ его командѣ донскими полками и съ двумя вновь прибывшими съ полковникомъ Курнаковымъ, оставленъ былъ тутъ впредь до повелѣнія; «взято только», — продолжаетъ писать онъ, — «500 человекъ изъ всѣхъ полковъ съ ружьями, пѣшіе. Наши русскія войска пошли впередъ. Простоявъ дня два, или три, я получилъ повелѣніе со всѣми полками своими присоединиться къ арміи, и немедленно пошелъ. Проходя чрезъ Сенъ-Готардъ и Чортовъ мостъ, я мыслилъ, что Французы очень испужены или совершенно не разумѣютъ военныхъ дѣйствій, что намъ позво-

¹⁾ Съ 20-го іюня 1799 г. А. К. Денисовъ былъ генералъ-маіоромъ. А. Ч.

²⁾ «Ист. войн. въ 1799 г.»—Дм. Ал. Милютинъ, ч. VI, гл. LII, стр. 205.

ляютъ идти въ такихъ мѣстахъ спокойно: по моему достаточно было бы 200 человекъ пѣхоты, что-бъ насъ прогнать или побить. Проходя далѣе, я увидѣлъ, что Французы нѣсколько поуменьли и въ одномъ мѣстѣ, гдѣ намъ должно было проходить узкою долиною между горъ, за малымъ, но глубоко впавшимся, ручьемъ, засѣли и могли бы стрѣлкою изъ ружей нанести намъ великой вредъ, потому что, не подвергаясь сами никакой опасности, могли бы, прицѣливаясь, стрѣлять по насъ навѣрное; при томъ же они и лѣсомъ были прикрыты. Не доходя сего версты четыре или болѣе, я остановилъ свои полки и послалъ команду отборныхъ людей, на добрыхъ лошадяхъ, съ тѣмъ, что-бъ непремѣнно доѣхали до перво-заднихъ войскъ, идущихъ впереди, и развѣдывали: не предстоитъ-ли намъ опасности. Когда они проѣзжали сказанное выше мѣсто, то Французы по нимъ зачали стрѣлять, гдѣ и дорога была узкая, и какъ сіе случилось при началѣ ночи, то офицеръ, какъ знающій должность партизана, по храбрости своей не остановился, а приказалъ командѣ ѣхать большою рысью, отчего и не потерялъ казаковъ, кромѣ четырехъ раненыхъ. Онъ послалъ о томъ мнѣ донести, а самъ поѣхалъ далѣе и въ 20-ти или около 30-ти верстахъ нашелъ генерала Мансурова съ 3-мя пѣхотными полками, оставленными для защиты насъ, — о чемъ также скоро донесъ мнѣ. Но я, по первому извѣщенію—что непріятель рѣшился насъ атаковать, созвалъ полковыхъ начальниковъ, распорядилъ кому впередъ идти и кому идти за которымъ полкомъ, приказалъ немедленно и въ ночь идти, рысью, въ два коня. Отъ сего распоряженія мы столь благополучно прошли, что непріятель, или полагая, что по темнотѣ неудобно стрѣлять, или что мы ночью не поидемъ, не успѣлъ нужные мѣста занять, а сдѣлалъ сіе уже при проходѣ заднихъ—что было уже на зарѣ. Я прибылъ къ генералу Мансурову и былъ тѣмъ весьма обрадованъ; а когда ему донесъ о всемъ, съ нами случившемся, то онъ мнѣ сказалъ:

— «За два часа предъ этимъ я былъ атакованъ и къ счастью Французы не знали нашей позиціи и сдѣлали большую ошибку, а иначе много бы я потерялъ, и Богъ знаетъ чѣмъ бы кончилось, потому что непріятеля было много.

• Въ тотъ же день генералъ Мансуровъ велѣлъ мнѣ съ казачьими полками слѣдовать далѣе къ арміи, а самъ съ пѣхотою

шелъ позади. Мы выступили до захожденія солнца по весьма узкой тропинкѣ, гдѣ только пѣшіе и могутъ ходить; съ нами были и мулы съ вьюками. Мы также не могли ѣхать на лошадяхъ, а шли пѣшкомъ, ведя за собою лошадей, и одинъ за другимъ въ одиночку, и всю ночь взбирались на крутую гору. Предъ утреннею зарею я увидѣлъ внизу, какъ бы подъ ногами своими, звѣзду. Удивляясь сему, не могъ доразумѣть, что это значитъ; указывая на оную, я спросилъ идущаго подлѣ меня стараго казака, который пояснилъ — что это огонь, вѣрно-де заднія войска стоятъ на мѣстѣ, и не могутъ идти дальше, потому что казачьи полки, идя одни за другимъ, заняли большое пространство дороги, вотъ-де войска сіи остановились и огонь развели, а дорога очень узка и высока, а посему такъ и видъ дѣлается, что огонь звѣздою кажется. Въ сіе время я, по слабости здоровья, ѣхалъ кое-какъ верхомъ на лошади и, видя подъ собою такую пропасть, испужался, вообразилъ, что легко можетъ лошадь оступить и упасть въ ту пропасть, гдѣ я вижу огонь. Не зная что дѣлать, потому что сойти съ лошади по обыкновенному—на лѣвую сторону—упадешь въ пропасть, а съ праваго боку некуда сойти—тутъ гора стѣною, и лошадь близко къ ней держится, поворотить же, по тѣмъ же причинамъ, нивагъ нельзя было, — посему я рѣшился спуститься на задъ лошади и, держась за хвостъ ея, маршировалъ впередъ по тропѣ. Впереди меня ѣхалъ посланный отъ главнокомандующаго австрійскихъ войскъ, Меласа, къ фельдмаршалу Суворову офицеръ, который также сидѣлъ на лошади. Я ему объяснилъ—въ какой мы опасности и что надо сойти ему съ лошади тѣмъ же манеромъ, какъ и я сдѣлалъ. Когда онъ смогъ то сдѣлать, то тогда уже рассказывалъ мнѣ разные случаи, съ нимъ въ сей землѣ случившіеся, и самъ заливался слезами. При томъ онъ увѣрялъ, что ихъ кавалерія никогда не была въ такомъ критическомъ положеніи. Мы однако-жъ взшли на гору благополучно, хотя арьергардъ и былъ преслѣдуемъ Французами, но слабо, и сколько можно примѣтитъ они опоздали, или были очень первыми отъ російскихъ войскъ нападеніями такъ напужены, что не смѣли уже атаковать съ быстротою».

«На высотѣ была хорошая и пространныя плоскость, гдѣ всѣ войска наши остановились; отдохнувши, пошли далѣе. На другой

день, сентября 19-го 1799 г., въ долину, гдѣ находится женскій монастырь и небольшое, въ нѣсколько мужицкихъ простыхъ домовъ, селеніе, называемое Мутенталь, присоединились и мы, около 10-ти часовъ утра, къ корпусу, подъ командою генерала отъ инфантеріи Розенберга состоящему. Его высочопр—во при насъ вѣдиль на передовые форпосты, и я съ нимъ находился. Въ адъшнихъ мѣстахъ поставили казачьи пикеты. Долина сія, внизъ по ручью въ оной протекающему, отъ селенія имѣетъ изрядную ровную площадь, которая съ лѣвой стороны горъ пересѣкается небольшою, болотистою, покрытою лѣсомъ, дефиле; за оною, хотя также, на версту, узкая есть площадь, но всегда изрытая во множествѣ спадающими водами и завалена камнями. Первая площадь вся была загорожена въ пряслы на небольшое отдѣленіе. Разсматривая сіе мѣсто и слыша генерала Розенберга мнѣніе, что непріятель атакуетъ того же дня насъ, я доложилъ ему, что-бъ огорожи всё позволилъ принять и мѣсто очистить позволилъ, представляя, что непріятель, занявъ дефиле съ лѣсомъ, воспользуется и огорожею, а безъ оной и казаки могутъ при пѣхотѣ дѣйствовать, на что онъ согласился, и я приказалъ казакамъ огорожу принять и ямки позасыпать. На вечеръ Французы, прогнавъ пикеты, заняли вышесказанное дефиле, и какъ отъ лагера оная едва и на-полторы версты отстояла, то наша пѣхота тотчасъ остановила оныхъ. Французы держались храбро; сраженіе больше часа продолжалось самое упорное, но наконецъ въ ночи наши вытѣснили ихъ и прогнали за другую площадь, въ густой лѣсъ, гдѣ горы сходятся и долина сія представляетъ непроходимую ущелину. Мы всю ночь не спали, потому что хотя сраженіе и выиграли, но и потеряли убитыми много, а раненыхъ и того больше было; да и ожидали, что вскорѣ и еще будемъ атакованы.

«Казаки при семъ случаѣ оставались только зрителями. По представленію моему, что въ такихъ критическихъ мѣстоположеніяхъ казаки не могутъ и мало непріятели задержать, хотя въ резервъ пикетовъ поставилъ я храбраго полковника Грекова, съ полкомъ,—генераль Розенбергъ командировалъ въ подвѣрженіе казаковъ пѣхотной полкъ.

«На другой день, около 9-ти часовъ, утромъ, непріятель въ превосходныхъ силахъ явился предъ нами, опровернувъ казачьи

пикеты и полкъ Грекова, принудилъ и пѣхотный полкъ ретироваться. Россійскія войска изъ лагеря выступили и стали нѣсколько впереди монастыря, въ ордеръ баталіи. Я для казаковъ не имѣлъ назначенія, почему, раздѣля ихъ на двѣ части, велѣлъ полковнику Курнакову,¹⁾ какъ старшему по мнѣ, стать съ одною частію по правую сторону пѣхоты, за ручьемъ, а съ другою стать самъ я по лѣвую сторону, при лѣсѣ, имѣя впереди очищенною мною плоскость. Ѣздилъ къ генералу, который по Розенбергѣ командовалъ пѣхотою, и условились съ нимъ, что-бъ дать свободу Французамъ пройти сказанное дефиле съ лѣсомъ. Французы, занявъ оную дефиле, нѣсколько медлили выходомъ; они имѣли нѣсколько пушекъ, которыми и начали сраженіе. При семъ случаѣ обязанностію поставляю сказать въ честь казаковъ, полки которыхъ стояли въ линію и при мнѣ бывшіе примыкали задомъ, какъ выше сказано, къ лѣсу. Одно не очень толстое, но высокое дерево прикрывало вѣтвями своими задній рядъ; ядро выше головъ попадаетъ въ оное и большой кусокъ съ боку отрываетъ. Дерево зачало колебаться, очень сильно хрустѣло и уже нагнулось нѣсколько, но казаки не оставили своихъ мѣстъ, хотя очевидно угрожала имъ опасность, все стояли покуда не приказалъ я двинуться впередъ.

«Французы построились, помнится, въ шесть густыхъ колоннъ и пошли на насъ; наша пѣхота, позволивъ онѣмъ приблизиться, быстро полетѣла на нихъ со штыками. Тогда и я далъ знакъ казакамъ атаковать, которые, какъ молнія, пригнувшись къ лошадямъ, полетѣли и, обогнавъ нашу пѣхоту, прямо врѣзались въ непріятельскія колонны и разорвали оня; пѣхота наша въ ту-же минуту ударила, и кто не успѣлъ уйти—на мѣстѣ убить или въ плѣнъ взять. Пробѣжавъ въ дефиле съ лѣсомъ, гдѣ оставался небольшой резервъ, остановились, произвели сильной огонь и немного подержались. При сей атакѣ, въ началѣ еще, упала подо мной лошадь и нѣсколько ушибся я; пересѣвъ на другую, подоспѣлъ я уже когда Французы держались въ дефиле. Пѣхота наша сильно ударила въ штыки и въ тотъ-же моментъ опрокинула и выгнала: Французы во всѣ ноги бѣжали по другой плоскости. Казаки за наваленнымъ камнемъ и малою дистанціею

¹⁾ Съ 21-го іюня 1799 г. Курнаковъ былъ генералъ-маіоромъ. А. Ч.

не могли заскакать напередъ и всѣхъ охватить, но, догоняя, убивали и брали въ плѣнъ. Подскакивая къ лѣсу, гдѣ горы сдвинулись и гдѣ непріятель густо бѣжалъ, встрѣчены мы были сильными залпами съ ружей, гдѣ одинъ нашъ полковой командиръ Позневъ (Паздѣевъ?) убитъ и много казаковъ его полка убито и ранено. Подо мной конь столь сильно въ шею раненъ былъ, что чрезъ полчаса не могъ уже сойти съ мѣста. Наша пѣхота, казалось, и на сажень отъ казаковъ не отставала; непріятель сквозь лѣсъ, по узкой дорогѣ, неоглядкою бѣжалъ, а пѣхота наша гналась и, догоняя толпы, брала въ плѣнъ. Я, полагая, что въ толь тѣсномъ мѣстѣ, гдѣ три человѣка пѣшіе едва рядомъ могутъ проходить, невозможно казаками непріятеля преслѣдовать, остановилъ оныхъ; но Розенбергъ приказалъ мнѣ гнаться за оными. Собравъ на-скоро до 300, съ офицерами, приказалъ я полковнику Грекову—преслѣдовать непріятеля далѣе; а остальнымъ полкамъ собраться и ожидать повелѣнія. Самъ, видя, что за большими густыми вѣтвями, казаки принуждены лежа напередѣ сѣдлать, поскакалъ съ 4-мя или 5-ю казаками впередъ, за Грековымъ, осмотрѣть мѣстоположеніе. Проѣхавъ съ полверсты, увидѣлъ, что ручей столь глубоко по узкому провалу течетъ, что воды не видно, а только сильное слышно журчаніе, и гдѣ непременно за крутостію горы надо переходить по мосту на другую сторону провала. Мостъ въ ретирадѣ, Французы, вынувъ цѣлое звено досокъ, испортили. Полковникъ Грековъ, по храбрости своей, не останавливался у сего, но, положиа двѣ доски, съ большою опасностію перевелъ и людей и лошадей, и пустился, до меня еще, впередъ. Ужасаясь его положенію, что-бъ не погубить весь полкъ, рѣшаюсь догнать и поворотить его; перехожу самъ мостъ, перевозжу кое-какъ и лошадь свою и, пройдя нѣсколько шаговъ, вижу двухъ пѣшихъ солдатъ, несущихъ превеликую корзину сыра, а третьяго съ удивленіемъ глядящаго на вершину горы, которой на вопросъ мой— что его удивляетъ? — показываетъ на большую толпу вооруженныхъ Французовъ, стоящихъ надъ головами нашими, высоко, на малой отлогости горы, мимо которыхъ Грековъ проскакалъ подъ вѣрными выстрѣлами. Послалъ къ заднимъ сказать, что-бъ не входили въ лѣсъ, но не зналъ какъ воротить Грекова, дабы торопливостію не окуражить Французовъ, тогда навѣрное казаки будутъ всѣ побиты».

«Въ эту минуту является ко мнѣ австрійской службы офицеръ, ѣхавшій за нами изъ любопытства, а также скоро подъѣхалъ нашей службы офицеръ отъ егерей, которые оба говорили по французски. Воспользовавшись снѣгъ, послалъ я обоихъ по двумъ малымъ стѣпкамъ съ тѣмъ, что-бъ они платками дали Французамъ разумѣть, что они парламонтеры; а когда допущены будутъ, то предложили бы сдаться военно-плѣнными безъ малѣйшей отсрочки времени, и что, въ противномъ случаѣ, атакую ихъ и побью. Скоро посланные мои воротились, сказавъ, что генераль сдается безусловно. Сей генераль, котораго фамилію забылъ, вслѣдъ за ними явился, котораго просилъ я, съ учтивостію, что-бъ войско его, проходя мимо меня, въ порядкѣ, вклало бы свое оружіе, а его превосходительство оставался бы при мнѣ, — что все съ большою тихостію и было исполнено. Пропустя плѣнныхъ, возвратилъ я шпагу генералу и при офицерѣ просилъ явиться къ генералу Розенбергу, что и офицеру нашему приказалъ. Черезъ минуту послѣ сего прискакалъ ко мнѣ полковникъ Грековъ и всѣ казаки скакали во всѣ ноги за нимъ. Грековъ, пробѣжавъ узкія мѣста, встрѣлся на обширной долинѣ съ свѣжими, сильными непріятельскими войсками, которыя хотѣли атаковать его и могли бы отрѣзать, тогда онъ принужденъ бы былъ сдаться; но онъ, не подвергая себя и казаковъ таковой опасности, ретировался по казачьему — во всѣ ноги».

«Я приказалъ казакамъ поспѣшно переходить черезъ опасный мостъ и далѣе ретироваться. Полковникъ Грековъ прицѣпился взятую у Французовъ пушку и распорядилъ такъ, что-бъ нѣсколькими выстрѣлами нанести большой Французамъ вредъ, которые и не замедлили явиться предъ нами. Я же хлопоталъ, дабы узкое мѣсто наши сворѣй прошли, ибо не можно было иначе отступить, какъ одинъ за другимъ. Въ минуту, когда я наиболѣе былъ занятъ, раздается близъ меня ужасный звукъ и трескъ, такъ что столгнуло духомъ сажени на двѣ меня съ мѣста; а когда я остановился, увидѣлъ, что полковникъ Грековъ кружился какъ кубъ, недалеко отъ меня, и что нѣсколько казаковъ опаленныхъ лежало на землѣ, но къ счастью всѣ оставались живы. Сіе случилось оттого, что полковникъ Грековъ приказалъ разбросанные заряды снести въ одно мѣсто и положили близъ и впереди пушки, которые при первомъ выстрѣ взорвало. Пола-

гать надо, что Французамъ досталось еще хуже, и они въ безпорядкѣ отступили. Мнѣ донесли, что первую пушку не могутъ протянуть чрезъ гѣсъ; почему приказалъ я сію бросить въ рѣчной провалъ, а съ остальными поспѣшилъ къ корпусу. Французы не смѣли преслѣдовать насъ, и мы благополучно возвратились».

«Генераль Розенбергъ отдалъ приказъ: на будущей день рано слѣдовать къ арміи; казаки должны идти впередъ—что и исполнено. На зарѣ мы потянулись по самой узкой тропинкѣ, пѣшие, ведя за собой лошадей, и одинъ за другимъ. Стоя на одномъ пригоркѣ, я смотрѣлъ, дабы уровнить лучше маршъ, но получилъ приказаніе поспѣшить мнѣ, лично, къ фельдмаршалу. Поѣхалъ я къ генералу Розенбергу доложить о томъ и испросить позволенія, котораго нашелъ впереди, на небольшой площади, со многими генералами и офицерами, сидящаго при огнѣ, въ сараѣ, гдѣ варилась въ казанѣхъ (котелѣхъ) съ масломъ каша. Взойдя въ сарай, я ожидалъ, что его высокопревосходительство отдастъ мнѣ справедливость и скажетъ что-либо въ похвалу донскихъ казаковъ, но весьма обманулъ. Онъ просто спросилъ:

— «Зачѣмъ вы пріѣхали и идуть-ли казаки?»

«На что со всею учтивостію я ему обо всемъ донесъ, какъ и о полученной мною запискѣ.

— «Надо выполнить,—сказалъ Розенбергъ,—вы можете ѣхать, поручивъ полки старшему.

«При семъ случаѣ генераль-лейтенантъ, шефъ того полка, которой былъ въ подкрѣпленіи казачьихъ пикетовъ, котораго фамилію не припомню, всталъ, взявъ мою дружески руку и такъ сказалъ:

— А! мой милый донскихъ казаковъ начальникъ! Какъ я радъ, что вижу тебя здороваго. Вчера какъ ретировался и увидѣлъ, что твои полки становятся въ линію противъ непріятеля, подумалъ—что такое они затѣваютъ, да еще противъ пѣхоты регулярной? Слышу военные вѣлки, вижу—казаки летятъ на непріятеля, врѣзываются въ колонны онаго и не вѣрю глазамъ своимъ. Наконецъ вижу—Французы бѣжать. Я сталъ на колѣни, возвелъ очи къ Богу и молилъ Его, что-бъ вамъ помогъ, а самъ все еще не вѣрилъ успѣху.

«Разсказывая сіе, при всѣхъ, онъ плакалъ; но генераль Ро-

зенбергъ и тутъ ничего въ похвалу нашу не сказали, а другіе, какъ я замѣтилъ, и на сказаннаго выше генераль-лейтенанта восо смотрѣли. Я выпросилъ позволеніе быть участникомъ хорошей каши и, съѣвъ ложки двѣ, какъ ее мало и было, поѣхалъ далѣе.

«Я нашелъ фельдмаршала Суворова, прошедшаго чрезвычайно критическое мѣсто, между горою непродоходимой высоты и большимъ глубокимъ озеромъ, гдѣ хотя весьма узкая дорожка была, но она завалена была вся величайшими камнями. Сіе мѣсто защищали Французы, но російскіе пѣхотные герои штыками опробовали непріятеля и прошли. Фельдмаршалъ весьма милостиво меня принялъ и благодарилъ какъ лично меня, такъ и всѣхъ чиновниковъ, и казаковъ, а всѣ другіе молча со мною встрѣвались, и я, чувствуя оскорбленіе, молчалъ. За отличіе въ дѣлахъ при селеніи Мутенталь я награжденъ орденомъ 1-го класса св. Анны».

«По соединеніи всѣхъ войскъ, велѣно мнѣ съ полками своими идти впередъ, по тропинкѣ очень узкой, по восточу проложенной. Я выступилъ при наступленіи ночи. Въ самое то время пошелъ снѣгъ и довольно сдѣлалось холодно. Дорожка очень осклизла, отчего, осклизаясь, лошади многія упали внизъ, въ пропасти, и всѣ тамъ убивались въ смерть. Казаки, отъ сожалѣнія о своихъ лошадяхъ, съ которыми они теряли и сѣдла и все, что имѣли запаснаго платья, сокрушенно терзались и нѣкоторые въ голосъ рыдали. А самъ я сталъ чувствовать себя чрезвычайно больнымъ; лошадь мою не могли вестъ за мною, и я всѣхъ ближнихъ во мнѣ, какъ собственныхъ моихъ людей, такъ и казаковъ, потерялъ изъ виду. Болѣзнію до того былъ доведенъ, что какъ бы (находился) въ забытіи. На одной малой равнинѣ, сворота въ сторону, я сѣлъ, ища глазами тихаго мѣста, дабы укрыться отъ вѣтра и стужи».

«Въ семъ положеніи увидѣлъ меня казакъ, представилъ свою лошадь, какъ очень смирную, что-бъ я, взявшись за хвостъ оной, шелъ далѣе, въ чемъ я и послушался его. Взобравшись на хребетъ горы, я сѣлъ на оную лошадь и поѣхалъ далѣе искать переднихъ своихъ, отъ которыхъ далеко я отсталъ. Я нашелъ, что всѣ передніе, собравшись въ бучу, стояли и почти всѣ плакались на участь свою: надо было спускаться съ превысокой горы, а не могли найти для сего удобнаго мѣста; всѣ же, отважившіеся

испытать, скатились внизъ и уже не возвращались, въ томъ числѣ былъ и полковникъ Грековъ. Ночь была очень темная, да къ тому же при большомъ холодѣ дула и большая мятель. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ изъ пѣхоты зашли сюда съ самыми передними; плѣнные Французы, которые весьма легко были одѣты, еще больше страдали и умирающимъ голосомъ вопили. Видя сіе, я долго затруднялся какъ бы участь нашу улучшить. Всѣ розысканія найти какую-нибудь возможность сойти съ горы — остались тщетны».

«Тогда я приказалъ связать лошадей одну въ другой головами плотно и составить изъ нихъ кругъ, въ середину котораго помѣстилъ людей, слабѣйшихъ въ средину, и такъ пробыли мы до свѣта, чѣмъ и себѣ много помогъ. Да и тутъ, ежели бы мой человекъ не запасся шубою и одѣяломъ, то бы я не вынесъ. Въ семь положеніи до разсвѣта мы оставались, и ни одного изъ Россіянъ не умерло, кромѣ того, что нѣкоторые поморозили члены, а изъ Французовъ, сколько помню, умерло три человека. И когда развидѣло уже, долго не находили мы возможности спуститься съ горы; но наконецъ нашли отъ ручья болотистое мѣсто, и не замерзлое, а какъ грязь не весьма топкая была, то только способствовала лошадямъ, хотя съ нуждою, сходить».

«Спустясь въ долину, мы отдохнули, да и сдѣлалось тепло, но теплота испортила болѣе тропинку, а надо было проходить весьма тѣсное мѣсто, которое, упавшимъ съ горы превеличайшимъ камнемъ, сдѣлалось почти непроходимымъ, ибо кто оскользнется, тотъ и упадетъ внизъ дефиле, глубины чрезвычайной. Особо опасно было для лошадей, изъ десяти которыхъ падало три и болѣе, и всѣ убивались. Сіе мѣсто я съ крайнею нуждою, по болѣзни своей, прошелъ, и когда увидѣлъ ровное мѣсто, что можно ѣхать на лошади, то сѣвши на одну казачью лошадь, потому что своей не нашель, поскакалъ съ тѣмъ воображеніемъ, что-бъ найти домикъ и тамъ дожидать уже смерти. Увидѣвъ маленькое селеніе, я столько обрадовался, что не знаю бывалъ-ли я когда въ такомъ утѣшеніи, и въ первой дворъ вѣхалъ; вошелъ во дворъ и встрѣтившагося старика спросилъ: могу-ли я найти мѣсто, гдѣ лечь и чѣмъ укрыться?»

«Въ сей моментъ отворяются въ боку другія двери, выходитъ человекъ и говоритъ ко мнѣ чистымъ французскимъ языкомъ, съ тономъ знакомаго. Я не угадываю его. Тогда онъ мнѣ

сказалъ, что онъ тотъ французскій генераль, котораго при Мутенталѣ я взялъ въ плѣнъ; при томъ сказалъ, что онъ видитъ меня больного и готовъ сдѣлать помощь; что у него приготовленъ хорошій горячій супъ, и совѣтовалъ мнѣ его выпить. Я это сдѣлалъ и, по его же попеченію легъ въ хорошую постель, укутавшись теплымъ одѣяломъ, отчего, когда я проснулся, нашелъ себя нѣсколько спотѣвшимъ. Тутъ мои люди нашли меня, и я, сѣвши на свою уже лошадь, доѣхалъ до одного хорошаго городка безъ всякаго припада, кромѣ того, что все оставался очень больнымъ. Я сыскалъ искуснаго лекаря, которой весьма мое здоровье улучшилъ, такъ, что безъ нужды я могъ сносить марши. При томъ сей лекарь увѣрилъ меня, что безъ помощи и благодѣянія препотеннѣйшаго моего плѣнника (французскаго генерала), едва-ли бы я доѣхалъ до его руки; за что всегда благодарю я его превосходительство, моего плѣнника, и считаю его моимъ отъ напрасной смерти избавителемъ».

Казачьи полки вообще дѣятельно участвовали во всемъ трудномъ движеніи войскъ Суворова чрезъ горы въ Альторфу, а также въ жестокихъ бояхъ съ непріателемъ въ долинѣ Муттентъ, у Швандена, Глариса, въ бѣдственномъ переходѣ чрезъ гору Рингенъ-Копфъ къ Паниксу, въ спускѣ къ Планцу и движеніи къ Фельдвирху;¹⁾ по соединеніи же всѣхъ русскихъ корпусовъ на

¹⁾ Донесеніе Суворова имп. Павлу I отъ 3-го (14) октября, изъ Фельдвирхена, (послѣ совершеннаго уже труднаго перехода чрезъ громады Альпійскихъ горъ):

«На каждомъ шагѣ, въ семь царствъ ужаса зіянія пропасти представляли отверзтыя и поглотившія готовыя гробы смерти. Дремучія, мрачныя ночи, непрерывно ударающіе громаы, льющіеся дожди и густой туманъ облаковъ при шумныхъ водопадахъ, съ каменьями съ вершинъ низвергавшихся, увеличивали сей трепеть. Тамъ является зрѣнію нашему Сень-Готардъ, сей величающійся волосъ горъ, ниже хребтовъ котораго громоносныя тучи и облака плаваютъ... Всѣ опасности, всѣ трудности преодолеваются войсками В. И. В., и при таковой борьбѣ со всѣми стихіями, непріатель, гнѣднѣйшійся въ ущелинахъ и въ неприступныхъ выгоднѣйшихъ мѣстоположеніяхъ, не можетъ противостоять храбрости войска, являющагося неожиданно на семъ новомъ театрѣ: онъ всюду прогнанъ»... «Казачи, подъ командою генераль-маіоровъ Денисова и Курнакова, много тутъ *) способствовали; послѣдній изъ нихъ, поразивъ и плѣнивъ непріателя на лѣвомъ флангѣ, бросился чрезъ рѣку Муттентъ въ бродъ и вплавъ, опрокинувъ по горамъ и въ гѣсу непріателя, засѣваго въ камень»

*) Битвы въ долинѣ Муттентъ.

берегахъ Боденскаго озера и казацки полки расположились, со всею русскою арміею, на зимнихъ квартирахъ, въ Баваріи.¹⁾ Къ восьми полкамъ Денисова присоединились еще два казачьихъ полка, съ войсками генерала Римскаго-Корсакова бывшіе. На обратномъ маршѣ въ Россію всѣ казаки разбиты были по корпусамъ, а Денисовъ съ тремя полками сопровождалъ фельдмаршала.

«Въ Прагѣ князь Суворовъ прожилъ нѣсколько недѣль, гдѣ дѣлали ему многія особы угощенія, въ которыхъ я также участвовалъ и пользовался фельдмаршала особымъ расположеніемъ. По выступленіи изъ Праги наши войска шли прямо на Краковъ, гдѣ со мной никакой не случилось замѣчательной встрѣчи. По входѣ въ Краковъ я сдѣлался боленъ такъ называемою болѣзнію гриппъ, и пролежалъ нѣсколько дней, но, благодаря Провидѣнію, избавился отъ оной, только оставался долго слабымъ, почему впервые принужденъ былъ ѣхать во время марша въ коляскѣ, къ тому-жъ холодная и снѣжная зима въ сіе время была. Я благополучно прибылъ къ предѣламъ Дона, бывъ въ непрерывномъ походѣ и военныхъ дѣйствіяхъ два года».

Войсковой атаманъ, генералъ отъ кавалеріи, Василій Петровичъ Орловъ, принялъ Денисова съ большимъ отличіемъ и отдалъ по войску приказъ — не употреблять прибывшихъ съ Денисовымъ изъ похода казаковъ ни въ какія службы въ теченіи цѣлаго года. Съ тѣмъ вмѣстѣ атаманъ объявилъ, «что государь императоръ пожаловалъ войску донскому, за отличную службу въ Италіи донскихъ казаковъ, подъ командою моею бывшихъ, богатое знамя съ приличною надписью». По сдачѣ полковыхъ знаменъ и по роспускѣ въ дома казаковъ, Денисовъ прибылъ въ свою станицу.

(Проложеніе слѣдуетъ).

Сообщ. А. П. Чеботаревъ.

яхъ, вытѣснивъ спѣшными казаками; первый же, Денисовъ, пробрался съ лѣваго фланга чрезъ горы и лѣсъ, и продолжалъ непріятеля гнать пока мѣсто позволяло»... «казачьи полки открывали разсѣяннаго непріятеля въ выгодныхъ для его мѣстахъ, мнящаго на нѣкоторое время удерживаться: купно съ ихъ хотными били и брали въ полонъ».

А. Ч.

¹⁾ «Ист. войн. въ 1799 г.»—Д. А. Милютинна, ч. VI, гл. LVII—LXI.